

ЯМВЛИХ О ДУШЕ

ДОПОЛНЕНИЕ К ПЕРЕВОДУ *ПИСЕМ ЯМВЛИХА ХАЛКИДСКОГО*
(ΣΧΟΛΗ 4. 1 (2010) 166–193)

Е. В. АФОНАСИН

Центр изучения древней философии и классической традиции
Новосибирский государственный университет
Институт философии и права СО РАН
afonasin@gmail.com

Eugene Afonasin (Novosibirsk State University, Russia)

IAMBlichus ON THE SOUL. A SUPPLEMENTARY NOTE TO A RUSSIAN TRANSLATION OF
IAMBlichus OF CHALCIS' *LETTERS* (ΣΧΟΛΗ 4. 1 (2010) 166–193)

ABSTRACT. The *Letters* by the Neoplatonic philosopher Iamblichus of Chalchis (c. 242–325 CE), preserved in a fragmentary form by John of Stobi in his *Antologia* and translated into Russian in the previous issue of the journal, are now supplemented by two minor testimonia (by Olympiodorus and Damaskius) and a note on the descend of souls in Later Neoplatonism.

KEYWORDS: Platonism, descend of souls, eschatology, fate, providence

Эта небольшая заметка призвана дополнить комментированный перевод *Писем* сирийского философа Ямвлиха (ок. 242 – ок. 325 гг. н. э.), опубликованный ранее в предыдущем выпуске журнала (ΣΧΟΛΗ 4. 1 (2010) 166–193). Хотя текст писем нам известен исключительно благодаря Иоанну Стобею (вероятно, конец V – начало VI в.), сохранилось два свидетельства того, что корреспонденция основателя школы неоплатонизма в Апамее была известна поздним неоплатоникам. Комментарии Дамаския и Олимпиодора позволяют заключить, что *Письма* могли включать в себя более широкий круг технических вопросов, выходящих за пределы тех социально-политических аргументов, которые заинтересовали Стобея, и были сродни проблемам, обсуждаемым Ямвлихом в его комментариях на

диалоги Платона и в трактате *О душе*.¹ Оба эти свидетельства касаются вопроса о нисхождении души и вполне могут касаться одного и того же письма. Первое свидетельство происходит из лекций на *Федон* последнего главы Афинской академии, записанных одним из его учеников, вероятно, в первых декадах VI в. (до закрытия Академии в 529 г. Юстинианом). Второе свидетельство содержится в комментарии на *Горгий* другого неоплатоника VI в. Олимпиодора. Примечательно, что Дамаский говорит о «письмах» в целом, по-видимому, предполагая существование цельного собрания, а формулировка Олимпиодора позволяет усомниться в том, что он знаком с собранием писем из первых рук, так как ему, похоже, не известен контекст письма. Кроме того, представляется уместным еще раз обратиться к фрагменту 4 *Письма* 8 (Македонию, *О судьбе*), также посвященному проблеме души. Прежде всего, свидетельства:

Свидетельство 1. Три мифа о посмертном воздаянии

Olympiodorus, *In Gorgiam* 46.9.20–28 Westerink

Так как об этом хорошо сказано [выше], позволительно спросить, почему, хотя известно три мифа о путешествии в подземный мир (νεκυία), Ямвлих, как уже говорилось ранее, в одном из своих писем, похоже, говорит лишь о двух: о тех, что рассказываются в *Федоне* и в *Государстве*, но не об этом [то есть мифе из *Горгия*]. Наше предположение таково: возможно, тот человек, которому он адресовал письмо, спрашивал его лишь об этих двух мифах о путешествии в подземный мир (νεκυία), потому он и говорил только о них. Ведь не мог же столь значительный философ не знать об этом третьем.

Свидетельство 2. О нисхождении души

Damascius, *In Phaed.* p. 203, 26–204, 3 Norvin

Почему Ямвлих говорит о душах, восстановленных до совершенного состояния (τῶν τελέως ἀποκαθισταμένων), прямо противоположное? Не следует ли нам, напротив, сказать, что они никогда не нисходят (οὐδέποτε κατέβαιναι αὐτάς), ни в соответствии с неким кругом нисхождения (περίοδον καθόδων), который не содержит в себе никакой необходимой причины, ни в той мере, в какой присущему им образу жизни не свойственно рождения, ни, в-третьих, благодаря форме их жизни, обеспечивающей нисхождение, не связанное с рождением (τὸ εἶδος τῆς ζωῆς ἀγένητον ποιουμένης τὴν κάθωδον), и никогда не утрачивающей связи с высшим, как сам он пишет в своих *Письмах*, оправдывая свою речь (ὑπὲρ τοῦ οἰκείου λόγου ἀπολογούμενος) третьим из вышеуказанных способов.

¹ См. Dillon 1973 (собрание фрагментов комментариев Ямвлиха на диалоги Платона, второе исправленное издание – 2010) и Dillon–Finamore 2002 (текст, перевод и комментарий). Фрагменты этого последнего трактата Ямвлиха станут предметом нашей новой работы, которая войдет в следующий том журнала.

В первом отрывке говорится о трех эсхатологических мифах, рассказанных Платоном в *Федоне* (107d сл.), *Государстве* (X 614a–616b) и *Горгии* (523a сл.). Незадолго до этого Олимпиодор замечает, что в *Горгии* Платон сосредоточен на самих судьях, в *Государстве* на подлежащих суду душах, а в *Федоне* на устройстве подземного мира. Термин *νεκρία*, как правило, означающий магический обряд вызывания умерших, употребляется здесь, скорее всего, в том же смысле, что и у Гомера, обозначая путешествие Одиссея в подземный мир.

«Гомер сообщает», – говорится в *Горгии* (523a, пер. С. П. Маркиша), – «что Зевс, Посейдон и Плутон поделили власть, которую приняли в наследство от отца. А при Кроне был закон – он сохраняется у богов и до сего дня, – чтобы тот из людей, кто проживет жизнь в справедливости и благочестии, удалялся на Острова блаженных и там обитал, неизменно счастливый, вдали от всех зол, а кто жил несправедливо и безбожно, чтобы уходил в место кары и возмездия, в темницу, которую называют Тартаром».

Далее рассказывается о судебной реформе, которую провел Зевс. Справедливо судить во время правления Крона мешало два обстоятельства: (1) подсудимых судили одетыми в телесную оболочку и живыми, в последний день их жизни; (2) люди знали час своей смерти. Поэтому Прометей по указанию Зевса лишил людей дара предвидения и назначил им нового судью,

«нагого и мертвого, одной лишь душой взирающего на душу... неожиданно умершего, который разом лишился всех сородичей и оставил на земле все блестящее свое убранство – лишь тогда суд будет справедлив» (523e).

Суд по решению Зевса вершат три его смертных сына, расположившихся у распутья дороги, одна из которых ведет на Острова блаженных, а другая в Тартар: Радамант (для душ тех людей, что пришли из Азии), Эак (для выходцев из Европы) и Минос (который выступает в роли третейского судьи). Далее Сократ замечает, что души, способные исправиться, очищаются и делаются лучше, те же, которые уже окончательно испорчены (и таковыми, «по свидетельству Гомера», оказываются бывшие тираны, цари и властители, «ведь худшие преступники выходят из числа сильных и могущественных»), терпят ужасные муки вечно – «настоящие пугала, выставленные в подземной темнице на обозрение и в назидание всем вновь прибывшим» (526 b-d). На Островах же блаженных прежде всего оказываются души философов (526c).

В мифе Эра из *Государства* судьи показаны сидящими «в неком чудесном месте» перед двумя расселинами и одни души направляющими вправо, вверх на небо, а другие налево, вниз. По другим двум расселинам спускаются с небес души, очищенные после тысячелетнего странствия (ведь каждая душа получает десятикратно как за земные прегрешения, так и за благие дела). Красочно описывается судьба тиранов и других неисправимых злодеев (615c-e), которым предстоят вечные муки в Тартаре. Оставив в стороне описание веретена Ананки и детали процедуры избрания жребия (616b–617e), обратим внимание лишь на то, что, по словам Эра, души, испытавшие невзгоды и сполна получившие

наказание за свои проступки, чаще всего делали наиболее мудрый и свободный выбор, и что Острова блаженных в этой версии мифа не упоминаются.

В *Федоне* подробно описывается топография «другой Земли» (109а сл.). Говорится, что путь в Аид не прост и что душе необходим провожатый, иначе она заблудится, причем умеренная и разумная душа послушно следует за своим гением, в то время как душа, страстно привязанная к телу и запятнанная преступлениями, упорствует и долго блуждает в одиночестве, «во всяческой нужде и стеснении, пока не исполнятся времена, по прошествии коих она силой необходимости водворяется в обиталище, коего заслуживает» (108с, пер. С. П. Маркиша). И вновь, каждая душа получает по заслугам, причем совершенно испорченные навечно низвергаются в Тартар, а наилучшие отправляются «в страну высшей чистоты, находящуюся над той Землей, и там поселяются». Более того, «те из их числа, кто благодаря философии очистился полностью, впредь живут совершенно бестелесно и прибывают в обиталища еще более прекрасные, о которых поведать нелегко» (114с).

Сопоставление этих трех мифов с тем, что говорится в *Федре* (248с сл.), порождает проблему: здесь рассказывается о загадочном «законе Адрастеи», который предполагает бесконечную череду из десяти последовательных тысячелетних циклов для всех душ с одним исключением для души человека, «искренне возлюбившего премудрость или сочетавшего любовь к ней с влюбленностью в юношей». Только эти души «окрыляются за три тысячелетних круговорота, если три раза подряд изберут для себя такой образ жизни, и на трехтысячный год отходят» (249а, пер. А. Н. Егунова). Но даже они, по всей видимости, не избавлены от следующего десятитысячелетнего цикла. Кроме того, ничего не говорится о вечном осуждении тиранов, хотя их жребий оказывается наихудшим (248е).

Из различных способов выхода из этого затруднения Ямвлих, по-видимому, выбирает следующий: он считает, что закону перевоплощения подвержены все души, однако наиболее чистые из них – «не причастные рождению (ἀγένητον)» и не утратившие связи с высшим – воплощаются особым образом, не так, как все. Первая часть этого утверждения подкрепляется замечанием Олимпиодора (*In Phaed.* p. 191, 26 N. = Iamblichus, *In Phaed.*, fr. 5 Dillon), согласно которому Ямвлих учил о том, что «невозможно вечно оставаться в умопостигаемом мире; нисходивший в прошлом когда-нибудь падет снова», в то время как вторая находит ясное подтверждение в фрагменте трактата Ямвлиха *О душе* (*De anima*, § 28–30 Finamore–Dillon, ср. так же § 44–46), где говорится, что души нисходят с тремя различными целями. Одни отправляются в этот мир насильно в качестве наказания, другие для исправления и улучшения, а некоторые «для спасения, очищения и совершенствования этого мира». Эти души сохраняют свою исходную чистоту (остаются ἄχραντοι) даже после нисхождения и порождают такие совершенные личности, как Пифагор, Сократ и Пла-

тон.² Аналогичное трехчленное деление встречается у Ямвлиха еще один раз в трактате *О мистериях* (V 18). Значит платоновское «невредимые» (*Федр* 248с) Ямвлих истолковывает в том смысле, что такие души (вопреки Плотину – см. Iambl., *In Tim.*, fr. 81 Dillon) все же нисходят, однако делают это добровольно и сохраняют столь близкий контакт с умопостигаемым миром, что в их отношении понятие «нисхождение» не вполне применимо. Они в гораздо меньшей степени подвластны материальным влияниям и с большей, нежели другие смертные, легкостью могут вернуться назад.

В заключение обратимся еще раз к фрагменту 4 *Письма* Ямвлиха Македонию (Стобей, *Антология* 45, II 173, 26 – 174, 27 W.). Очевидно, что и здесь в человеческой душе («в нас») обитает «начало действия», которое принадлежит высшей сфере, находящейся за пределами природы, и потому свободное от космических воздействий и власти судьбы. Примечательно, что двумя строками ранее это же «начало» называется «началом деятельности», которое находится в согласии с судьбой и промыслом:

«Если это так, то начало деятельности в людях (ἡ τῶν ἀνθρώπων ἀρχὴ τοῦ πράττειν) находится в согласии с двумя этими началами всего [то есть судьбой и промыслом]; однако верно и то, что начало действия в нас (<ἡ> ἐν ἡμῖν τῶν πράξεων ἀρχή) независимо от природы и свободно от движения небес. По этой причине оно не содержится (οὐκ ἔνεστι) в [начале] космоса (ἐν τῇ τοῦ παντός). Ведь поскольку оно <не> выводится как из природы, так и из движения небес, то считается старшим (πρεσβυτέρα) по отношению к космосу и независимым от него».

Несомненно, что речь здесь идет об одном начале, не двух, однако настораживает то обстоятельство, что им, по-видимому, приписываются разные, более того, противоположные, свойства: разве согласованность с судьбой и промыслом не предполагают зависимость от них? Далее читаем следующее:

«Но так как оно выделило для себя (κατενεῖματο) части (μερίδων) из всего космоса и меры (μοίρας) от всех стихий, и нашло им применение, то и само включено в распорядок судьбы, способствует ее исполнению, помогает осуществлению ее установлений и с необходимостью ею используется. А поскольку душа содержит в себе чистый, самодостаточный, самодвижущийся, самостоятельно действующий и совершенный логос, она оказывается свободной от всякого внешнего воздействия. Однако, выдвигая вперед другие образы жизни, склонные к рождению и причастные телесному, она оказывается вовлеченной в мироустройство».

Перевод первой части фрагмента базируется на тексте, предложенном издателями (Wachsmuth и Dillon): «ἔστι δὲ καὶ ἀφειμένη ἀπὸ τῆς φύσεως καὶ ἀλόγυτος ἀπὸ τῆς τοῦ παντός κινήσεως <ἡ> ἐν ἡμῖν τῶν πράξεων ἀρχή».

² Подробнее см. Dillon–Finamore 2002, 161–162. Далее в этом отрывке указывается на важность такого различия и в качестве примера негативных последствий сообщается, что, не сумев различить между этими тремя целями воплощения, платоники второго века Нумений, Кроний и Гарпократион ошибочно объявили всякое нисхождение злом.

Даниэла Таормина³ настаивает на сохранении чтения рукописи, считая исправления излишними: «ἔχει δὲ καὶ ἀφειμένην ἀπὸ τῆς φύσεως καὶ ἀπόλυτος ἀπὸ τῆς τοῦ παντὸς κινήσεως ἐν ἡμῖν τῶν πράξεων ἀρχήν. – Это так же предполагает наличие в нас начала действия, не зависящего от природы и свободного от движения небес».

Действительно, самостоятельность души и ее независимость от судьбы утверждается также и в Письме 11 (Поймению), в то время как в Письме 12 (Сопатру) говорится об ограниченности влияния судьбы лишь пределами природы. В качестве подтверждения этого воззрения Ямвлиха Таормина предлагает обратиться к двум текстам. Согласно замечанию Прокла в *De providentia* (Steel 2007, 9–10, 16), различие между промыслом и судьбой Ямвлих рассматривал во многих своих трактатах, аргументируя в том смысле, что все, происходящее согласно судьбе, подчинено также и промыслу, однако высшие уровни сущего зависят лишь от промысла и не подвластны «астрологическим влияниям», то есть судьбе. Кроме того, в *De mysteriis* VIII 6 Ямвлих следующим образом истолковывает «герметическую» идею о двух душах:

«Человеку присущи две души: одна восходит к первому умопостигаемому, причастная силам демиурга, другая же придается круговращением небес, в которое вторгается (ἐπιεσέρπει) душа, созерцающая бога. А коль скоро это так, то душа, нисходящая в нас из космосов [то есть из области небесных тел], следует за их круговым движением. Та же, что умопостигаемым образом присутствует в нас благодаря умопостигаемому, выходит за пределы круга рождения; благодаря ей мы освобождаемся от судьбы и восходим к умопостигаемым богам».

Из платоников II века о двух душах говорил только Нумений (фр. 43–44 Des Places), а также некоторые гностики (Ориген, *De principiis* III 40). Красочную картину «прилепившейся души», влияние которой нужно преодолеть силою разума, рисует гностик Исидор, ученик Василида (Климент, *Строматы* III 114, 1). Аналогичным образом далее Ямвлих пишет, что именно это свойство души *оправдывает* теургическую практику, возводящую в высшие сферы и позволяющую освободиться от оков судьбы путем преодоления в теургической церемонии силу «космических» богов властью богов «сверхкосмических» (VIII 8).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Dillon J., ed. and trans. (1973, 2010²) *Iamblichi Chalcidensis in Platonis dialogos commentariorum fragmenta* (Leiden)
 Dillon J., Finamore J., eds. (2002) *Iamblichus, De anima* (Leiden)
 Dillon J., Hershbell J., eds. (1991) *Iamblichus, On the Pythagorean Way of Life* (Atlanta)
 Dillon J., Polleichtner W., eds. (2009) *Iamblichus of Chalcis, The Letters* (Atlanta)

³ В своем издании Писем Ямвлиха (Taormina–Piccione 2010, *com. ad. loc.*) и в статье “Iamblichus: Two-fold nature of the soul and the causes of human agency”, которая войдет в сборник, готовящийся по материалам нашей афинской конференции о Ямвлихе 2009 г.

- Steel C. (1978) *The Changing Self. A Study of the Soul in Later Neoplatonism: Iamblichus, Damascius, Priscianus* (Brussel)
- Steel C., trans. (2007) Proclus, *On Providence* (London)
- Taormina D. P., Piccione R. M., eds. (2010) Giamblico, *I frammenti dalle epistole* (Napoli)
- Wachsmuth C., Hense O., eds. (1884–1912) Stobaeus, *Anthologium* (Berlin)